

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мальчишник

Послезавтра у меня будет свадьба. Самая лучшая в мире свадьба с самой лучшей в мире девушкой. Вообще-то это свадьба «для людей». Мы-то с Риммкой знаем друг друга с первого класса. Уже в школе нас дразнили «жених и невеста», но нам пофиг. Мы всегда знали, что когда-нибудь поженимся. Риммка была моей первой женщиной — не единственной, правда, что греха таить, но самой первой. Как сейчас помню, мы трахнулись на выпускной. Точнее, она сама меня трахнула. Нас тогда повезли после кафешки выгуливать в парк. Мы с парнями, конечно же, уже выпили втихаря от класснухи и родителей. И не шампанского. Поэтому, когда Риммка меня схватила за руку и назаметно от всех утащила в какие-то дикие кусты, я поначалу даже ничего не понял.

Но когда она в своем коротеньком шелковистом платье прижалась ко мне горячим телом, упругой грудью, стала меня целовать и руками полезла в штаны, я чуть не кончил. Шутка ли — такие сюрпризы. Потом вспомнил, что однажды она пошутила, что даст мне, когда мы получим аттестаты. И тут до меня дошло, что она реально запланировала наш первый секс. Короче, она сделала все сама. Я повторно чуть не кончил на стадии неумелого надевания презерватива, который она заботливо достала из кармашка своей маленькой сумочки. Но она как-то сумела меня ненадолго успокоить, глядя по голове и шепча ласковые слова. Потом сама встала на четвереньки в своем белом блестящем платье среди хрустящих прошлогодних веток с пробивающимися между ними молодыми травинками, задирая юбочку, под которой давно уже ничего не было надето, призывно посмотрела на меня и поманила пальцем.

Я, дрожа от возбуждения и волнения, приткнулся за ней на колени и тыкался как дурак куда-то не туда, а она все терпела, зажмурившись, потом как-то прогнулась, выдвигая свои свежие розовые интимные губки мне навстречу, и я, охнув, как в сказку, провалился в горячую упругость весь без остатка. Конечно, мало что помню, кроме того, что кончил через полминуты. Но это было волшебно, неповторимо, как фейерверк — мой первый секс с моей любимой девушкой, наши вздохи и стоны, первая дрожь юной плоти, испуганная нежность... У кого не было, тому не понять.

Я не сразу понял — да и в мозгах у дурака не стукнуло — что не было боли и крови. А когда в голове завертелся какой-то вопрос, морща мой лоб, Риммка, смеясь, предупредила его, сказав, что давным-давно лишила себя девственности пальчиками и игрушкой, найденной у родителей. И что только и ждала этого дня, чтобы отжаться мне. В общем, она всегда была охуенной, моя Риммка, смелой, решительной и любящей.

Свадьбу забабахивают Риммкины родители — они тоже ко мне не равнодушны плюс считают, что у их доченьки все должно быть по высшему... бла-бла-бла... и не отвертись. Короче, последние полгода только и разговоров, что о нашей свадьбе, даже меня, против моей воли втянули в решение вопросов, как будто мало того, что мы с Риммкой весь год пахали, как проклятые, откладывая на ресторан, лимузин, десятиэтажный торт и прочую куету. Даже последнюю неделю не виделись. С работы — в ресторан утрясать меню, примерка платья, новый пересчет и рассадка гостей, живую музыку хуй пристойную найдешь, короче, я вас заебал уже этой хуетой, вообще не об этом хотел.

Больше всего хотелось расслабиться и ни о чем не думать посреди всего этого предсвадебного

мандража. И мы с Риммкой назначили в один день, но, разумеется, по отдельности она — девичник, а я — мальчишник. Совместного жилья у нас пока что нет. Точнее, мы уже знаем, что на свадебной церемонии Риммкин папаша вручит нам ключи от новенькой квартиры, куда мы собственно сразу и поедем — там уже идут последние приготовления. Пока же Риммка соберет девчонок у себя — площадь позволяет, а у меня, честно говоря, тесновато для широкого сабантуя. Поэтому Риммка предложила квартиру своих родственников — дяди Саши и тети Светы. У них довольно просторная хата, и они уезжают на выходные на лыжную базу. Я так-то их знаю немного, все в одном дворе. Года полтора назад они переехали — вот, дай бог памяти моему дебилизму — из Новосибирска, что ли. Короче, по нашим меркам, край географии. Взяли квартирку в ипотеку. Парень у них, Владик, в колледже каком-то учится, невнятный такой пацан, тихушный. Он Риммке троюродным братом приходится, знаю я его так-то немного. Что прикольно — они с Риммкой, ну, вот, одно лицо — голубоглазые кудрявые блондины с тонкой костью. Риммка говорит, у них в роду очень сильный ген этой самой блондинистости. Пробивается на свет в любых сочетаниях и подавляет другие, обычно доминантные, масти. Короче, есть все шансы, что и мы с Риммкой народим голубоглазых блондинчиков. Сам-то я смуглый и волосатый, если что.

В общем, народу на мальчишник собралось порядком. Ключи мне выдали на два дня, и помогать нам оставили Владика. Честно говоря, я не знал, как без баб-то справимся со всей этой закуской-нарезкой. Но Владик выручал просто идеально. Всю дорогу крутился чего-то на кухне, приносил-подавал-уносил, спрашивал, что нужно еще, терся возле меня с какими-то восторженными глазами. Меня в этом возрасте тоже пёрло во взрослых компаниях от чувства сопричастности, чо.

Да, мужики заказали стриптизершу. Типа, сюрприз. Все бухали, как ненормальные, а она вертелась на столе, и меня эти рожи заставляли деньги ей в трусы пихать. Ничо такая, рыжая, с сиськами, которыми она махала у меня перед носом аж до тошноты. Я, конечно, подумал, что у моей любимки ничуть не хуже, остренькие, крепенькие, упругие. И у меня, блять, тут же встал. Вот, что ты хочешь делай. К тому ж в этот момент позвонила Риммулька, и я слушал, как она пьяненько хихикает в трубку вместе с подружками: «Серё-о-жа-а! Я по тебе соскучилась. Хочешь, приеду? А мы тут с Настькой целуемся! Хи-хи! Она меня тоже замуж зовёт!» Ну, что, вот, блять, делают, а! Знаю я эту Настьку... Впрочем, я отвлекся. Я, конечно, понимал, что Риммка звонит не столько меня подразнить, сколько проконтролировать, она меня, если честно, во как держит! И так тошно стало без нее, что я немедленно напился, даже плохо помню, как все разошлись. Только помню чувство: я — овощ, и домой не доберусь.

— Влад, я тут заночую? — Спросил я у Владика. Это был не вопрос, а утверждение, потому что без вариантов. Помню, что Владик с готовностью закивал, а я брякнулся в одежду на диван и моментально отрубился.

...

Я проснулся от того, что нежная ласковая ручка гладила меня по животу и груди, спускаясь всё ниже. И ощутил мощный стояк. Следующей сладкой мыслью было:

«Риммка приехала!»

Я раскрыл глаза и офонарел. Спросонья не понял даже ничего. На диване рядом со мной сидела Риммка. Четырнадцатилетняя примерно. И какая-то странная. Коротко стриженная, с небольшими завитушками на шее, безвкусно подкрашенная розовой помадой. Широко распахнутые голубые глаза глядели радостно и умоляюще. На ней был коротенький

кружевной, выше пупа, пеньюарчик, на ногах — белые чулочки и блестящие босоножки. Между чулочками и пеньюарчиком... торчал безволосый мужской член...

— Блять, Владик!

Я подскочил на диване как ошпаренный.

— Ты чо, охуел?!!! — Чесслово, ничего более умного я в тот момент родить был не в состоянии.

Владик отдернул руку от моего тела, голубые глаза его наполнились слезами, рот искривился.

— Серёжа! Прости, я не удержался! Не презирай меня, да, я такой и очень хочу тебе понравиться! — Голос его был актерски-мелодичным, чисто драмтеатр.

Я хлопал глазами, не всасывая.

— Римма сегодня далеко. Я подумал: вдруг тебе одиноко? А ты мне уже очень давно нравишься. Сережа, я люблю тебя!

Я все еще тупил спросонок. Ситуация казалась мне нереальной. Может, я еще сплю?

Нифига. Передо мною сидел покрашенный Владик в... каком-то ажурном непотребстве и со слезами на глазах, томно кривляясь, признавался мне в любви.

Мне, крепкому волосатому парню, без пяти минут женатику...

Я не знаю, почему в тот момент ему не врезал со всей дури. Может, потому что он зверски был похож на Риммку. И вообще на женщину. А женщин я не бью. Будь на его месте какой-нибудь фактурный качок, здесь было бы кровавое месиво. Но Владик вызывал... лишь брезгливую жалость и сочувствие.

Странно, но я даже не захлебнулся отвращением — настолько достоверная передо мной сидела девочка. Правда, с членом. И член этот был хоть и небольшой, но с хорошим таким стояком.

И самое ужасное — я понял, что и мой-то стояк не рассосался. Вот, как стоял спросонок, так и стоит!

И что мне было делать?

— Слышь, друг! — Процедил я, изо всех сил сдерживаясь. — Я, типа, не по этой части, и через день у меня свадьба. Ну, ты в курсе! Я невесту свою люблю. А таких, как ты, гонял бы сраным веником, если бы не ленился.

Губы Владика надулись и дрогнули:

— Да, я такой! — Всхлипнул он. — И что мне делать? Мне тоже хочется любви близкого человека, а я вынужден скрываться, потому что «не такой»! Ты через два дня женишься и будешь счастлив с моей сестрой, а я так никогда и не узнаю твоей любви! Пожалей меня, Сережа! Я давно мечтал о тебе, я хочу тебя! Ты... такой красивый, такой мужественный... Моя сестра так любит тебя... И я тоже!

Видя, что лупить его не собираются, Владик придвинулся ближе и ласково прижался к моему бедру. — Сереженька, можно хотя бы отсосать тебе? — Глаза его горели нездоровой лихорадочной страстью. Зубы стучали, рука, дрожа, тянулась к моей ширинке. Он зажмурился, ожидая удара, — чувствовался опыт любовных признаний. Но я никак не реагировал. Только член, сука, зачем-то стоял себе, упираясь в джинсы...

Странно, но меня почему-то даже веселило это... существо. Назвать его парнем язык бы не повернулся.

— А ты сосать-то хоть умеешь? — Развеселился я. — А то доверь тебе святое!..

Губы его обиженно вздрогнули.

— А вот и умею! — Владик извилисто выпрямился! — Попробуй — узнаешь!

Странно, но в этот момент он выглядел... настоящим мужиком, ну, таким, знаете, уверенным в себе профи. Циничным и однозначным. Которому хочется довериться. Меня аж мурашки передернули.

— И где это ты успел? — Я реально удивился. Совсем молодой, тихушник такой...

— Неважно! — Владик был реально исполнен чувства собственного достоинства. — Давай уже, а?

— И зачем это мне надо? — Усмехнулся я, однако, прекрасно чувствуя, что не отказался бы сейчас от горячего ласкового рта. После недели воздержания и сегодняшней стриптизерши даже алкоголь, сука, не помог...

Владик вдруг снова стал зеленым пацаном, взгляд его сделался умоляющим, пальцы вкрадчиво заскользили по моему бедру.

— Сереженька, милый, ты же скоро женишься и никогда не узнаешь, как это здорово. Никто не может почувствовать парня лучше другого парня — поверь мне!

Он снова дрожал и тянулся ко мне всем телом, ласковой рукой наглаживая мою вздыбленную ширинку. Прикосновения были такие нежные и приятные, что, если закрыть глаза, то легко принять их за женские. Стояк не отпускал. А что, — мелькнула бредовая идея, — а если и вправду закрыть глаза и представить элитную проститутку, скажем? Пусть себе отсасывает, если так хочет. И вправду, может, новые ощущения какие...

— А давай! — Я сел, откинувшись на спинку дивана, раздвигая ноги. — Сам только все делай, я отдыхать буду.

Ну, не спалит же меня этот извращенец! Самому невыгодно. За такое в нашем районе на кремлевскую елку не отправят.

Я чувствовал себя королём на именинах, когда захлебнувшийся от счастья Вадик подобострастно стаскивал с меня джинсы вместе с трусами. Мне оставалось лишь слегка приподняться. Он задрожал, поглаживая мои волосатые ноги, а уж при виде члена и вовсе был готов хлопнуться в обморок.

Воткнувшись на четвереньки между моих раздвинутых ног, пидорок взახлеб насадился глоткой на мой член, я аж вздрогнул. Он всосался так, будто с трудом догнал последний поезд.

— Аххрр... Аххрррр... аххрррр... чмок... чавк... — Бляять, меня унесло! Яйца и член окутались приятной теплотой, ласковой щекоткой, вздрогнули под уверенным напором чавкающей пасти.

— Ауффххх... — Я откинулся на спинку. Ощущения были что надо! Член слёту проскальзывал в старательное горло. Маленький сучонок явно был несказанно рад удаче. Чувствовалось, что на это только он и дробил долгими зимними вечерами.

Я рассматривал свою вафельку сквозь полуприкрытые веки. Кружевная распашонка скрывала подробности сложения. Но, кажется, только лишь плечи — жестковатые, мальчишеские, вразлет. Ну, и нет этого удивительного гитарного изгиба талии, свойственного девушкам. Но — попка! Идеально круглая, сливочно-беленькая, как мороженое, раздвинутые ножки, обтянутые чулками, такие стройные, поджарые. Нежные завитки на мальчишеской шее. Да, реально, конечно, не хватает длинных волос, чтоб судорожно запустить в них ладонь, сжимая в приступах наслаждения. Но рот...

Я жёстко нажал двумя руками на его затылок. Сильнее. Сильнее! Хрипящее горло дарило мне незабываемые ощущения. Владик старался. Очень. Его язык проникал в самые интимные закоулки моей промежности, глотка, хрипя, вдавливалась в головку. Я невольно сравнил его с Риммой. Она обычно сосала очень нежно, работая язычком, словно изучая в подробностях мои эрогенные зоны, пробуя меня на вкус, нащупывая моё удовольствие. Это был акт любви и доверия.

Владик же сосал жестко и уверенно, совершенно точно зная, что и как нужно делать. Он натурально трахал меня ртом, извиваясь всем телом в экстазе бешеной похоти. Язык умело елозил по гениталиям. Сливочно-белая круглая попка моталась из стороны в сторону, навевая мысли...

Я сжал эти две нежные половинки, разведя их в стороны. Мне хотелось унижить этого пидорка, сделать ему больно, словно отомстить за то, что уговорил меня уступить его развратному желанию. Жопка распахнулась, показывая темный анус. Владик застонал еще громче и кошкой выгнул спинку, подставляя задницу еще выше. Член его стоял как на параде, истекая смазкой. Беззащитные гладенькие беленькие яички, словно игрушечные, свисали между ног, словно новогодний подарок с ёлки. Натуральная маленькая сучка, только с игрушечным беленьким членом.

— Сережа, трахни меня, миленький, умоляю тебя! — Тяжело задышала сучка-Владик, заглядывая снизу в глаза, лаская мой член длинным острым языком, а рукой сжимая свой. Шелковистая попка аппетитно вертелась перед моими глазами, разжигая низменные желания.

«Ну а почему нет? — Зашептал кто-то внутри меня. — Представь себе, что это не Владик, а какой-нибудь тайский транс — на них сейчас повальная мода. Даже почетно трахнуть такое чудо природы. И жопа такая сладкая!»

— Я подготовился, правда! У меня есть игрушки. Я разрабатывал попку много раз. — Умоляюще частил Владик. — Тебе понравится! Ты не пожалеешь! В конце концов, — жарко шептал он, — скоро женишься ты на Риммке и так и не узнаешь настоящего сладкого разврата! Один раз живем! Я хорошо подготовился, вот смотри:

Владик нырнул под диван, вытаскивая в зубах гель-смазку и упаковку презиков. Глаза его маниакально блестели, губы кривились, он весь дрожал от нетерпения. Сливочно-белая шелковистая попка маячила перед глазами. Риммка, как и все бабы, в попку дает по праздникам. Ахх, блять, какое же это удовольствие...

— Раком быстро! — Рывкнул я. Пока я не передумал!

Владик, закатив от счастья глаза, быстро разорвал зубами упаковку презиков и раскатал один из них руками и жадным ртом по моему вздыбленному члену. Затем с удивительной скоростью развернулся и подставил попку, низко прогнувшись и вожделенно глядя на меня. Руками он изо всех сил раздвигал белые булки, демонстрируя заветный вход в дыру разврата. Черт! Неужели это я собираюсь сейчас задвинуть в задницу своему знакомому пацану? Но почему-то возбуждение не отпускало, даже нарастало еще больше. Я понял, что мне хочется доминировать, подчинить это маленькое извращенное животное, я ощущал острое физическое удовольствие от мысли, что сейчас натяну эту развратную тварь в задницу как медицинскую перчатку. Мне хотелось доставить ему жесткую боль, яркие, сложные ощущения, чтоб знал, чтоб знал, как совращать нормальных мужиков вроде меня. Чтоб надолго запомнилась сегодняшняя ночь, чтоб жопа не закрывалась неделю и сесть ему не

давала. Его счастье, что он успел предварительно намазать свой зад гелевой смазкой, которая уже слегка стерлась. Одной рукой он протянул мне тюбик с новой порцией геля, но я резким движением отшвырнул его и, сжав одной рукой беленькую шейку с завитками, другой направил раздувшийся член в презервативе в тугую дырку, надавливая изо всех сил, наваливаясь всем весом, ввинчиваясь, впиливаясь в узкую жопу. Член прошёл на удивление легко, видимо, этот извращенец растряхал свою задницу какими-то приспособами. Ффу... Думать об этом не хотелось. Предпочитаю живую горячую плоть. Вваахх!! Я впихнулся по самые яйца. Вот, бля, где счастье, оказывается! Узкий проход принял мой член в свои тесные объятия, затягивая, словно в воронку смерча. Я зажмурился — аж сердце зашло, — такие яркие были ощущения. Главное — реакция моего шлюшонка. Когда мой толстый ствол раздвинул его задницу, он почти завизжал от избытка ощущений, захлебнулся слюнями и воздухом. — Ай!... Ай! Ой, Се=рё-жа-а-а! — Глаза его закатились, он вот-вот готов был хлопнуться в обморок, шатаясь на подгибающихся коленках. Я прижался изо всех сил, сжимая его зад и зажмуриваясь, натягивая до упора, наваливаясь всей тяжестью, словно хотел проделать в нем новую дыру, словно выжимая, выдавливая из него новые звуки страдальчески-счастливых воплей болезненного наслаждения. Мои яйца накрыли его маленькие поджатые причиндалы. Ощущение было горячее, мощное и целенаправленно развратное. Мы оба знали, чего хотели и получали это друг от друга. Я стал, двигая бедрами, размеренно долбить его тесную дырку. Дырка засасывала меня. Она была живая, алчущая, развратная, трепетная. С каждой моей фрикцией, с каждым толчком сучонок протяжно развратно стонал, кусая губы, прогибаясь всё ниже под моим напором. Чувствовалось, что ему конкретно снесло крышу этим долгожданным сексом. Я тоже ловил кайф, всё ускоряясь, вовлекаясь вслед за ним в круговорот бешеной страсти. Стоны Владика превратились в один бесконечный протяжный вопль, и тут его подпрыгивающий, шлёпающийся о живот член забрызгал тоненькими струйками, поливая ламинат под нами. Очко его стало дергаться и сокращаться вслед за членом, и я почувствовал свой оргазм на подходе. Ненавижу кончать в презерватив и потом узлом завязывать свою живительную субстанцию перед броском в мусорку. Я вышел из растряханной задницы. Зрелище меня заворожило: внушительная дыра, равная диаметру моего вполне приличного члена зияла кратером вулкана, так же ощутимо дыша и дымясь раскаленным входом. Не хватало извергающейся лавы. Сейчас будет. Я с облегчением стащил растянутый и чудом живой презерватив, от души врезал Владика ладонью по попе, оставляя отчетливый алый след на нежной коже. Владик все еще вздрагивал и достанывал в оргазме, разъезжаясь коленками в луже собственной спермы.

— Жопу выше! — Скомандовал я, взяв в руку готовый к канонаде член, зажмурившись, передернул несколько раз, медитируя на дышащую дыру. В этот момент упершийся лбом в пол тварёныш обернулся, блядская улыбка наслаждения осветила его лицо, он посмотрел мне в глаза и влажным розовым язычком развратно обвел пересохшие губы. Это была настоящая маленькая шлюшка с обкончанной писью. Что-то лопнуло в мозгу как мыльный пузырь, и горячая, густая белая лава брызгами и сгустками стала выстреливать из члена, скручивая меня судорогами наслаждения.

— Сссукккаааа!!! — простонал я, одной рукой сжимая выкручивающий меня член, другой размазывая сперму по белой заднице, загоняя в разверстную дырку то, что туда не попало. Вот и волны лавы в жерле вулканической задницы. Великолепнейшее зрелище! Я отвалился, чуть живой, обессиленный сильнейшим оргазмом, сел на пол, прислонившись к дивану. Владик

обернулся ко мне, счастливый и томный, словно удовлетворенная женщина. Он даже было потянулся поцеловать меня в губы, но я грубовато-лениво оттолкнул его. Этого еще не хватало:

— Вылижи, шлюшка! — Я взял его за волосы, ткнул лицом в усталый член.

Владик с готовностью вылизал все закоулки моих гениталий, даря ощущение легкой щекотки и прохлады. Я даже с благодарностью потрепал его по щеке. Времени на часах, кстати, было прилично. Надо поспать.

— Убери тут все и вали в свою комнату! — приказал я, заваливаясь на диван без сил и с безвольным удовольствием глядя, как моя обкончанная шлюшка суетится с ведром и шваброй, низко нагибаясь в своем коротком пеньюаре, демонстрируя неплотно закрытую заднюю дырку, залитую моей спермой. Подтерев следы полового разврата, он удалился в ванную. Я прикрыл глаза в полудреме, и тут тишину ночной квартиры разорвал звонок. Бля! Кто-то сейчас придет и спалит нас! Я не мог позволить Владiku в таком виде открывать дверь, поэтому в одну секунду голышом впрыгнул в джинсы и, застегивая на ходу замок, поскакал в прихожую.

— Кто там? — Осторожно спросил я, заглядывая в глазок.

— Милый, это ты? — На площадке стояла... Риммка.

Ошарашенный, я, не раздумывая, открыл дверь.

— Сережка! Я так соскучилась! Я же говорила, что приеду! — Моя любимка кинулась мне на шею, впечатавшись в меня нежным горячим телом в коротеньком черном платье. Ножки оголились почти до трусиков, алые туфельки мелькнули в воздухе — моя дышащая алкоголем, влюбленностью и возбуждением кудрявая блондинка повисла у меня на шее.

— Я это... уже спал... — Я демонстративно протирал глаза. На самом деле, я был несказанно рад своей Риммке. Но в другой бы ситуации. Но теперь... Я не знал, как себя вести и что делать.

— Я тоже очень соскучился! — Честно признался я, нежно целуя свою красавицу в розовые, пахнущие ликером губки. Я поднял ее на руки и закружил. Мы были самой счастливой парой на свете — я и Риммулька!

— Кхмм! — Мы обернулись и замерли. На пороге ванной стоял ухмыляющийся Владик. Я позор семьи? Да ты на свою семью посмотри! Твой жених перед свадьбой ебется с парнем! Вот это семейный анекдот! Будет, что внукам рассказать! А я уж постараюсь! Резкий всплеск мотнул его кудрявую голову — это Риммка, словно вознесясь в одну секунду, залепила с размаху ему по морде своей аккуратной, крепкой ладошкой с алыми ноготками. На обескураженной, злой физиономии братишки заалел четкий след пощечины.

— Ты, блять, чо... — Рефлекторно сжав кулаки он двинулся на Риммку. Но не успел сделать и шагу, как автоматическая реакция заставила меня моментально резко дернуть его назад за плечо, сделав подсечку — и вот уже злой бляденыш корчится плашмя на полу, держась за ушибленный затылок, громко матерится, но на лице его испуг и отвращение. От моей подсечки он влетел в комнату из коридора, проехавшись затылком по паркету. Я испытал странное чувство, будто ударил того, кого бить нельзя — кого-то вроде женщины или инвалида. Но в тот момент инстинкт меня не подвел — это был взрослый плечистый парень, способный навредить моей любимой.

Риммка благодарно посмотрела на меня и, подойдя к раскоряченному валяющемуся Владiku... резко пригвоздила его обнаженную мошонку своим острым каблучком к полу,

оттянув кожу.

— Ввай! — Владик было взвился, но это было невозможно сделать без того, чтоб не порвать яйца. Поэтому он замер, не дыша, таращась на Риммку, словно увидев ее в первый раз.

Я с восхищением следил за своей решительной девочкой. Я гордился ею, любил ее, хотел ее снова.

Ввинчивая острый каблучок в нежную кожу мошонки, Риммка уперла руки в боки и выгнулась, как торговка на базаре.

— Слушай сюда, чмо! Запомни, уродец: никакой ты не парень, а просто извращенное насекомое. И, если моему жениху перед свадьбой напоследок пришла в голову фантазия засунуть разок экзотической зверушке, это ровным счетом ничего не говорит о наших с ним отношениях! Я доверяю Сереже, понял, ублюдок? И люблю его. А он — меня!

Она почти выплюнула эти слова, склонясь к поверженному Владиду, не отпуская каблучка с его причиндалов. Плюс к этому она ритмично попинывала испуганно сжавшийся член блестящим носком красной лакированной туфельки. Её короткое черное платье от этих движений задралось к линии бедер, узкая полоска алых стрингов отчетливо виднелась между ног, и я поймал вдруг блестящий развратный взгляд Владика, похотливо вперившегося в Риммкину промежность.

Кривая ухмылка растянула Риммкины губы.

— Ай-яй-яй! А что это мы там увидели? Неужели мою писечку? — А помнишь, Владик, — голос ее стал елейно-ядовитым, — помнишь, как ты приезжал к нам на каникулы и просил отлизать у меня и моих подружек? Денег еще предлагал. — Она обернулась ко мне. — Ему, Сережа, давали тогда на карманные расходы. Теперь больше не дают, да? — Она снова повернулась к парнишке, попинывая вялый хуёк. Впрочем, нет, вру, он не был уже вялым! Владик тяжело дышал, закатив глаза от наслаждения, член его под острым носочком туфельки вдруг сделался упругим и вождеющим. На кончике заблестела смазка. Я был в шоке — этот пацан, похоже, дробил на все, что движется. Ему достаточно было любого самого извращенного прикосновения, чтобы возбудиться. В первый раз вижу такое чудо природы.

— Ты скоро чокнешься, придурок, от своих эротических фантазий! — Ядовито вещала Римма. Владик лишь умоляюще пялился на ее красные трусики. — Впрочем, что это я теряюсь! — Римма засмеялась. Жениху ты сегодня отсосал, давай и невесте отлижи уже!

Это был явно выпад в мою сторону. Я чувствовал себя ужасно. Моя смелая, бойкая невеста была сегодня какая-то истеричная, но по-прежнему решительная. Я, правда, не знал, как себя вести, просто стоял в стороне и любовался ее отвязностью. Конечно, про то, что ей наплевать на мой секс с Владиком — это специальная бравада для него. Я-то знал, что она ревнивая собственница, и все это ей как минимум неприятно. Вот и теперь она делала то, что должно было быть неприятно мне. Такая маленькая, но конкретная месть.

Однако ж, Владик подскочил как ужаленный на такое приглашение. Он воткнулся на колени у Римминых ножек и благоговейно потянулся лицом к красным трусикам.

— Но-но-но! — Строго покачала пальцем Римма, аккуратно перешагивая алый лоскуток и задирая платье практически на живот. Обнажилась красивая белая кругленькая попка, покатый лобок, до блеска выбритая промежность и нежные розовые лепестки интимных губок. Владик аж задохнулся от такого зрелища. У меня в штанах тоже всё поднялось — уж сколько раз, вроде, видел, а всегда дух захватывает. Риммка двумя пальцами опустила алую шелковистую пахучую тряпочку на запрокинутое лицо Владика, и тот вожделенно прихватил

его зубами, всасывая, облизывая, преданно глядя в глаза моей любимке. В ответ Римма с силой нажала на голову Владика, опуская ее вниз.

— Начинай с туфельек! — Строго приказала она тоном, не терпящим возражений.

С сожалением выплюнув трусики, Владик, словно раб, припал к носкам туфель моей любимой, старательно полируя их длинным язычком и заглядывая снизу вверх в ее глаза. Римма скинула туфельку с усталой ножки, подставляя крепенькую ступню. Владик вылизал ее изгиб острым, как кисточка, язычком, проработал все пальчики с алыми ноготками, шуруя языком между ними. Риммка застонала от удовольствия, попинывая влажный работающий рот. Владик же потихоньку поднимался — от ступней к щиколоткам, от щиколоток — к нежным голеним, ласкал подколенные ямочки, вот язык заскользил по внутренней стороне бедер, приближаясь...

Римма уже всю вздрагивала и шумно дышала, высоко придерживая задранное платье. Я не сдержался, подошел к ней сзади, обнял за талию, скользя руками по бедрам, положил голову на плечо:

— Детка, ты прекрасна! — Мне хотелось приласкать ее, как-то загладить свою вину, хотелось, чтобы вновь все было по-прежнему. Руки поползли вверх, сжали Риммкины грудки. Риммка выгнулась, балдея, скашивая на меня хмельные глаза. Я спустил черные бретельки с плеч, острые, упругие, розовые грудки выпрыгнули наружу, призывно закачались. Владик тем временем добрался до сокровенного и, подобострастно глядя снизу вверх, всю шуровал языком в мокрых розовых складочках моей красавицы. Римма закрыв глаза, стонала и подавалась бедрами вперед, упругая попка ее шевелилась, касаясь моих вздыбленных джинсов. Я не мог больше, я хотел свою козочку. Быстро стянув джинсы, я прижался торчащим уже членом к теплой родной попке, привыкая и балдея, попка двигалась взад-вперед, раздражая меня все больше. Я нажал на спинку своей любимой, прогибая ее чуть вперед так, чтоб раскрылись передо мной развратные губки с тыла. Римма нагнулась и пошире раздвинула ножки, между которыми чавкал жадный рот Владика. «Прощён» — промелькнуло в мозгу. Застонав от счастливого возбуждения, я вдавил стоящий член глубоко в родное, теплое, насквозь мокрое лоно. Римма вскрикнула, подаваясь попкой навстречу. Ей пришлось опереться о макушку Владика, чтобы удержать равновесие. От этого голова его еще сильнее задралась и вдавилась в ее пизденку. Приподнимая ее за бедра, я принялся с наслаждением долбить родную хлюпающую вагинку.

— А! А! Ай! — Вопила и вскрикивала трясущаяся подо мной Риммулька, упираясь двумя руками в макушку Владика. Её острые грудки призывно дергались в воздухе, Владик безжалостно полировал ее клитор, периодически цепляя горячим языком мой ствол и яйца. Ощущения были офигенные. Мы с Владиком исключительно дружно трахали и доводили до иступления нашу любимую девочку.

— Ах, ты, свинёныш! — Завопила вдруг в экстазе Риммка. — Сережа, смотри, что творит! Забывшийся Владик перестал лизать нежную плоть моей любимки и самым отвратительным образом, закатив глаза, дрович свой член привычными движениями, изо рта его вырывались громкие стоны. Вот, говнюк! Совсем забыл, зачем он здесь! Я с сожалением оставил Римму, вытащил ремень из валявшихся на полу джинсов и быстрым, резким движением, неожиданно для него, стянул руки Владика за спиной, практически сомкнув его лопатки и локти. — Работай, сучонок! — Я отвесил ему пару тяжелых пощечин. Владик тяжело дышал, из глаз его текли слезы, возбуждение его зашкаливало. Он дико мечтал кончить, но я ему не

позволял. С трудом переведя дух, он снова приступил к своей почетной обязанности — возбуждающе дразнить далеко высунутым языком Риммкину пиздюшку в то время, как я, вернувшись в прежнюю позу, отчаянно трахал в ее любимом стиле: дробно, с оттяжкой, шлёпая яйцами по промежности. Любимка, подгоняемая моей безудержной долбёжкой, стала сгибаться и вопить:

— Се-ре-жень-ка, е-ще!

Риммочка дергалась между нами, то подставляя мне гудящее наслаждением влагиалище, то подаваясь бедрами вперед, к жестокому язычку Владика.

В какой-то момент она в экстазе вдавила клитор в его мокрое сплющенное лицо, задержалась, трясая грудками, изо рта ее вырвался безумный стон:

— О-у-а-у-а-а-а-!!! Ммма-мммааа!!!

Риммку трясло, как никогда. Слово через нее пропустили высоковольтный разряд. В этот момент я до безумия любил свою девочку, её смелость, плевок в лицо условностям, её безбашенное наслаждение озорством нашей дружной троечки. Выдав последнюю дугообразную конвульсию, моя любимая вдруг обмякла у меня в руках, её ножки в лаковых туфельках обессиленно вздрогнули:

— Сережа, милый, — счастливо прошептала она, — я так устала! — Прошептала она, откидываясь спиной ко мне на грудь и подставляя счастливое лицо для поцелуя. Как я любил ее в этот момент! По лицу Владика блуждала счастливая улыбка — я чувствовал, что и он любит Риммку в этот момент за то удовольствие, которое сумел ей доставить. И то наслаждение, что получил, лаская ее.

Я нежно поцеловал ее и отпустил. Вывернувшись из моих возбужденных объятий, Римма добрела до дивана и обессиленно свернулась на нем калачиком в по-прежнему задранным платье, созерцая нас с Владиком. Кудряшки ее слиплись на лбу колечками, дыхание потихоньку выравнивалось. Что мне было делать? Я не кончил, а моя малышка была обессилена нашим ярким приключением. Член торчал как палка, блестя соками моей девочки. Владик умоляюще прижался к нему лицом, подаваясь вперед. Терся носом и чуть не плакал. Член смотрел вверх и Владик никак не мог дотянуться до него ртом со связанными за спиной руками. Я вдруг испытал что-то вроде жалости. Взял за вихор и медленно, с чувством, насадил его ртом на член, глубоко уперев в глотку. Владик ощутимо расплылся от наслаждения, напрягая тугое горло. Мой дружок, только что побывавший в мокрой пизденке моей невесты, стал долбить жадное пульсирующую глотку ее развратного братишки. Я умирал от одной мысли, что имею их обоих, они покорны мне, влюблены в меня. Голова Владика болталась с вытаращенными глазами. Он был прекрасен и дико возбужден. Я видел, как он, не имея возможности драть руками, попытался подтянуться бедрами к моей ноге и прижаться к ней распаленным членом. Я жестоко отодвинул его. Мне нравилось быть грубым с этой извращенной шлюхой, нравилось указывать ему его место и, похоже, его это тоже сильно возбуждало. Коленки его разъехались, и он стал елозить яйцами по полу, пытаясь хоть как-то загасить возбуждение. Член его вздрагивал, не получая удовлетворения. Риммка с любопытством следила за нами с диванчика, подложив руку под голову. Классно она сегодня его каблуком. Самое интересное, что этот придурок завелся. Похоже, эта свинюшка — поклонник жесткача. И тут мне пришло в голову невообразимое: чуть отступив, я босой ногой крепко прижал возбужденный член и яйца Владика к полу, слегка прокатывая ступнёй. Я злорадно ухмылялся, глядя, как он дергается в экстазе вытаращив глаза со связанными за

спиной руками.

— Аааа... Ссукааа!! — Застонал он, запрокинув голову. Возбуждение его достигло апогея, он задергал бедрами, и вдруг член садовым шлангом запульсировал под моей ногой, и горячая скользкая струя щекотно забила в ступню, прижимающую Владиковы причиндалы. Это было похоже на эпилептический припадок. Глаза его были закачены под лоб, на губах пузырилась слюна вожделения, тело дергалось, а член все брызгал и брызгал, наливая лужицу между его ног. Мне горячей волной передалось возбуждение этой маленькой ебливой твари, и, удерживая его затылок одной рукой, я другой направил вздрогнувший член в его кривящийся рот, прихватил двумя пальцами разбухшую головку у основания и, пробитый насквозь оргазмом, стал, зажмурясь, изливать накопившуюся сперму на жадный развратный язык. Оргазм — это иногда так тяжело, прямо, болезненно. Член такой чувствительный, как оголенный нерв. Ммммляяааа... Сперма не поместилась в хлебало Владика, потекла по щекам и подбородку, подведенные глаза его размазались еще во время его отлиза Риммке, а сейчас это вообще была какая-то маска грязного клоуна. Но лицо его даже сквозь толстый слой пота, слюны, разводов косметики и моей спермы просвечивало сытым удовольствием воплощенного разврата.

«Эх, ну и шлюха!» — Подумал я с удивлением, тяжело переводя дух. Я дернул за ремень на его запястьях, раскрывая застежку. Дальше сам, не маленький. Я подошел к Риммочке, сел на диван рядом с ней, она положила голову на мое усталое обнаженное бедро и потерлась о него щекой. Мы сидели и смотрели на копошившегося в луже собственной спермы Владика, словно сложившаяся семейная пара на только что принесенного с улицы забавного котенка.

— Ну, надо же, как лихо было! — Задумчиво сказала Римма. — Я и не думала, что этот звездук такой умелый. Его давно уже никто всерьез не воспринимал. А самое приятное возбуждение было от мысли, что вы оба одинаково сильно меня хотите, каждый по-своему. — Она радостно, засмеялась, изгибаясь спиной, как игривый котенок.

— Я люблю тебя! — Сказал я очень серьезно.

— Я тоже! — Риммулька смеялась, и носик ее морщился. — И люблю трахаться с тобой. Но сегодня — это был сюрприз, конечно. Надеюсь, у вас ничего серьезного?

— Нет, конечно! — Поспешно сказал я. — Один раз в презервативе, клянусь, вообще по-пьяни, он сам меня развел. Знаешь, я спросонок подумал, что это ты, — я засмутился, — вы так на лицо похожи...

— Значит, теперь у тебя две невесты, — засмеялась Риммка. — Одна из них в чулках и с членом.

— Эй, придурок! — Крикнула она Владикку. — А ну ползи сюда!

Владик с готовностью двинулся к дивану, подтирая сперму с лица.

— Ты не понял, — рявкнула Риммка. — Я сказала «Ползи!» — Она явно наслаждалась своей доминантной ролью.

Владик моментально опустился на колени и красиво пополз. Ну, просто девять с половиной недель! Риммка была довольна.

— Будешь нашей игрушкой, а? — Озорно спросила Римма, когда Владик уселся у наших ног.

— Она потрепала спутанные ангельские кудряшки. Владик благодарно потерялся перепачканной щекой о ее руку. — Разнообразишь наш досуг. — Смеялась Римма. — Тебе же все равно, с кем, не так ли? — Она жестко потянула его за волосы, похлопывая по щеке.

— Да-да-да! — Радостно закивал офигевший Владик. — Я готов! Что надо делать?

— Для начала, — жестко вмешался я, — постелить нам с Риммой постель. Мы что, без одеяла будем ночевать?

Владик мухой метнулся к шкафу, доставая постельное белье. Мы с Риммочкой сбегали в ванну освежиться и дружно улеглись в пахнущую свежим бельем постель. Римма устало положила кудрявую головку на моё плечо, а Владик нежно и заботливо накрыл нас одеялом и сидел на краешке кровати не в силах тронуться с места.

— Иди уже к себе, свинёныш! — Римма ласково потрепала его по макушке, засыпая. — Мы все устали.

Владик трепетал от счастья и чувствовалось, готов был вылизать наши пятки за то, что мы приняли его в свою компанию. Он вздохнул и нехотя поплелся в своё мальчишеское логово, выключив по дороге свет. Мы с Риммой обнялись, как две ложки, вложенные друг в друга, и сладко вырубались.

...

Разбудил меня — здрасьте! — член. Он стоял на всю ивановскую, упираясь в прижатую ко мне Риммулькину попку. Риммочка завозилась спросонок, выгнулась, так что попка поднялась, подставляя промежность. Нас с хуем долго просить было не надо. Я тут же вошел в нее и стал неторопливо двигаться. Мы практиковали такой полусонный секс на боку, ну, сами знаете, когда глаза открывать лень. Постепенно сонная Риммочка стала расходиться и постанывать. Я окончательно проснулся и прошептал ей на ушко: «Раком вставай!» Риммочка послушно встала в позу лицом к краю дивана, опираясь на локотки, раздвигая колени. Я пристроился сзади и начал долбить похлупывающую вагинку, возбуждаясь все сильнее от ее ритмичных нежных стонов. Захотелось посмотреть на ее вздрагивающее тело. Я нашарил позади себя на стене кнопку ночника. Интимный свет подслеповато осветил комнату. Ёбаный конь! Я вздрогнул: в углу за шкафом напротив нас самозабавенно дробил Владик. У меня чуть стояк не обрушился. Блять! Да оставит ли он нас когда-нибудь в покое. У нас тут, можно сказать, семейный секс.

Однако, Риммочка, похоже, думала иначе. С новой силой насаживая пиздюшку на мой член, простонала:

— Маалыыш, иди сюда, солнышко! А-а-а! — Она задрожала от моей усиленной долбежки. Я не мог ей этого простить. Владик, сверкая стояком, подошел к нам, опустил на колени, заглядывая в лицо Риммочке, словно желая там рассмотреть что-то необычное. Риммочкино лицо кривилось от яростной долбежки — это я старался донести до нее, что нам вряд ли нужен кто-то третий. Глаза Владика налились нежностью, он взял за подбородок почти рыдающую Риммочку и нежно поцеловал вздрагивающие губы долгим, тихим поцелуем, словно жалея, успокаивая и возбуждая одновременно. Двумя пальцами он задумчиво трогал Риммины сосочки. В этом действии было столько нежности, что я даже как-то напрягся. А Владик вдруг выпрямился, и его чисто выбритые гениталии закачались прямо перед лицом Риммочки, которая немедленно высунув язычок, стала шаловливо пытаться дотянуться до них.

— Э-э! — Сердито протянул я, добавляя жару. Владик ощутимо выбивался из образа. И Риммулька что-то забаловала. — Я кому-то разрешал хулиганить?

— А... я-а-а... ой... хо... чу... — Риммка смеялась сквозь конвульсии. Она поймала-таки губами член Владика и стала посасывать головку. Владик застыл и зажмурился.

Это было уже слишком. Риммка явно напрашивалась на наказание.

Я вытащил из горячей пиздюшки абсолютно мокрый член и, чуть сменив положение, стал вдавливать головку в Риммкин анус. Занятая хуем Владика, она не сразу осознала метаморфозы в нашем положении, а когда поняла и задергалась, сопротивляясь, было уже поздно: я медленно вдавил хуй до половины, не обращая внимания на извивающуюся невесту, издающую вопли негодования.

— Ааааай, Се-ре-жа! Неет! Я не хочууу! — Слезы навернулись на ее глаза, тело сжалось, но меня было уже не остановить.

— Дорогая, — с напряжением сказал я, — став моей женой ты должна будешь хотеть то, что я тебе скажу. Так что, привыкай! — С этими словами я вдавил член до упора, жёстко раздвинув шелковистые, округлые Риммкины булки.

Риммка продолжала дергаться и ругаться, впрочем, постепенно затихая — я достаточно жестко ее зафиксировал, держа за бедра, давая время успокоиться.

— Римма! — Сказал я чуть ли не официальным тоном. — Мне неудобно тебя ебать. Замри пожалуйста! — И шлепнул по попе.

И тут такой же звонкий шлепок обжег Риммкину щёку — это Владик помогал мне, как умел. Скользя по мне взглядом, он до упора вставил торчащий член в испуганно открывшийся рот моей невесты, зафиксировав голову. Риммка обескураженно застыла, насаженная на два члена. Станок был готов. Мы переглянулись и взяли один дружный неспешный темп.

Это был какой-то совсем другой Владик. Ушла куда-то истеричная шлюшка. На ее месте появился универсальный секс-партнер, расслабленный, уверенный в себе, точно знающий, как получить и дать наслаждение.

Риммка вздрагивала между нами, как сливочный пудинг, когда мы, разогревшись, усилили темп. Туго мычащий рот ее по самые яйца был забит хуем Владика, который, кажется, впал в очередной экстаз. Зажмурившись, он ритмично двигал бедрами, придерживая Римму за затылок и, похоже, плохо соображая, что трахает красивую девушку. Он просто купался в ощущениях, ловя их всеми фибрами души и тела. Риммкино тело стало постепенно отзываться и вздрагивать все нежнее и яростнее, мы были одним целым, в воздухе витал тяжелый шлейф страсти. Как все-таки анал меняет восприятие! Я больше не чувствовал нежности к своей девочке, а лишь безотчетное желание растряхивать и затрачивать стонущую плоть. Нн-на, нн-на, нн-наа!!

Первым кончил Владик. Он выгнулся дугой, вытащил мокрый член из Риммкиного рта и обстрелял все ее нежное капризное личико. Струйки спермы потекли по подбородку, Риммка обернулась на меня умоляюще-беззащитным взглядом, и от этого взгляда я немедленно кончил, пульсируя членом в узкой сопротивляющейся попке. Блаженное ощущение пустоты и растекающегося по телу тепла накрыло меня, когда я созерцал свою обкончанную самочку. Вот, такой она мне и нужна: покорной и дающей. Каждый день. Собственно, неплохая практика воспитания жены «под себя». Я сжал ягодицы своей невесты, с любопытством выдавливая сперму из хорошо протраханной раскрасневшейся дырочки.

— Иди, приведи ее в порядок! — Кивнул я Владика, подталкивая Римму к нему. Они скрылись в ванной, а я чуть не задремал. Но вскоре любопытство взяло верх: что как долго не идут. Я вышел в коридор. Дверь в ванну была приоткрыта, и моему взору предстала чарующая картина: Римма сидела в ванной, а Владик, сильным напором пустив душ, заливал ее открытый рот пенными струями. Римма отфыркивалась, счастливая, размывая руками теплые струи по телу. Владик что-то тихо сказал, и она встала на четвереньки, повернувшись

к нему спиной. Владик направил душ прямо в сочащийся спермой анус моей прелестницы. Струи забурлили, вымывая остатки семени, унося его в слив, словно символ преходящести. Риммка крутила попкой — было видно, что струи щекотали промежность. Владик, не убирая душа, нагнулся над Риммой, протянул руку к клитору и начал поигрывать нежной плотью, массируя письку Риммочки душем. В какой-то момент Римма затряслась и взвыла от его ласковых манипуляций. Кайф разлился по всему ее телу. Владик развернул ее, еще вздрагивающую, и нежно поцеловал в губы. Завидев меня, смутился, схватил полотенце и стал быстро и нежно растирать Риммино хорошенькое тельце. Римма шурилась как котенок в его шустрых, умелых руках.

Владик вытащил Риммку из ванны и передал мне в руки. Я подхватил свою легкую девочку и понес на руках в спальню. Я любил ее сейчас больше жизни.

— Влад, иди к себе, — пробормотал я, снова укладываясь под одеяло. Риммулечка ткнулась носом в мое плечо и закинула на меня ногу.

— Сережа, можно я у вас в ногах посплю? — Умоляюще протянул Владик.

— Да, фиг с тобой, спи! — Я уже проваливался в сон, чувствуя, как мои ступни упираются во что-то теплое, мягкое и с пульсом...

...

Проснулись мы к полудню от запаха кофе и звяканья чашек. Лениво пообнимались, потискались и нехотя выползли на кухню, помятые. Вся посуда была чисто перемыта, следы вчерашней пьянки нейтрализованы. Владик в обычных джинсиках на худенькой попке и в сером джемпере допивал утренний кофе. В нем не было ни на йоту признаков вчерашней бурной ночи. Бледненький (не кормили его, что ли, витаминами в этом Мурманске), малозаметный, совершенно никакой. Даже не верилось, что это существо вчера яростно долбило в задницу и, трясясь от вожделения, вылизывало туфельки своей сестры. Обычный студентик, каких тысячи мотаются с сумками наперевес из колледжей и академий.

— Доброе утро! — Вставая из-за стола, сказал Владик так буднично, словно мы все встретились на библиотечном абонементе. — Пожалуйста, кофе на плите, бутерброды на столе, родители будут вечером. Постельное белье кинете в стиральную машинку. На ключ закрывать не надо, просто захлопните. Извините, мне пора!

Он быстро влез в куртку, завязал шнурки на кроссовках, разогнулся и лишь у самой двери, обернувшись, посмотрел мне в глаза. Там, на дне этих глубоко посаженных озер, черными волнами плескалось яростное юродство и оголтелый, безбашенный разврат.

Дверь захлопнулась. Мы подошли к окну — Риммка в своем помятом коротком платье и я в узких джинсах на голое тело. Худенькая фигурка Владика вынырнула из подъезда и быстро пересекла двор.

— Странно! — Проговорила задумчиво Риммка. — Еще вчера он был для меня никакой, позор семьи, юродивый мелкой похоти. А сегодня ночью я почувствовала, КАК СИЛЬНО меня можно хотеть. И всё это — благодаря Владиду.

— Твой Владик — универсальная шлюшка сказал я. У него талант растворяться в сексе без остатка.

— Понравилось? — Усмехнулась Риммочка. — Кажется, я что-то про себя поняла. Похоже, это у нас фамильное!

— Понравилось! — Ответил я, задумчиво обнимая ее сзади и как бы ненароком сжимая в ладонях крепкие грудки. — Ты мне понравилась. Была такая нереально отвязная, я и не знал,

что ты так умеешь!

— Теперь тебе предстоит узнавать меня всю жизнь, — ласково сказала Риммочка, откидывая голову на мое плечо и подставляя кверху губки. Фигурка Владика маячила на остановке. Вот подошел автобус, Владик запрыгнул на подножку, и вдруг оглянулся. И я уверен был, что в этот момент взгляд его достиг окна квартиры, за которым я уже конкретно нагибал Риммку к подоконнику.

...

Сегодня у меня была свадьба, самая лучшая в мире свадьба с самой лучшей в мире женщиной.

Честно говоря, я так заебался с приготовлениями, что все прошло, как в тумане: ЗАГС, Вечный Огонь, лимузин, ресторан, речи, подарки, пропавшая и найденная в соседнем зале Риммка, летящий Настьке в лоб букет невесты, наш танец, разучивать который мы таскались целую неделю к одной хореографине. Я чудом умудрился не нажраться, и только Риммка поддерживала меня все это время. Я не мог отвести взгляда от ее чудесной свежести, ажурного платья, воздушной фаты, умопомрачительно уложенных белых локонов. Я дрожал, окольцовывая нежный пальчик и забыл обо всем на свете, целуясь в губы под оголтелое «Горько». Кажется, мы даже забыли, что целуемся «для гостей» и сосались неприлично долго. Больше всего на свете нам хотелось остаться вдвоем на необитаемом острове.

И вот — свершилось! Я внес Риммку на руках в прекрасно обставленную квартирку. Ну, помните, я говорил, папаша ключи нам вручил. Мы кинулись на кровать в объятья друг друга и я, смеясь, стащил с нее кружевное платье, оставив лишь в умопомрачительных белых чулочках, кружевных трусиках и коротеньком корсете. Я начал выпутываться из дурацкого костюма. И в этот момент позвонили в дверь.

— Блин, кого принесло! — Я недовольно пошел к двери.

— Стой, Сережа, я сама! Это подарок! — Воскликнула Римма. И не успел я вякнуть, как моя красавица в трусиках, в корсете и чулках, цокая туфельками подскакала к двери и, глянув в глазок, открыла ее нараспашку.

— Римма! — Ошарашенно воскликнул я.

Грузчики, стоявшие за дверью, уронили челюсти. У их ног стояла здоровенная коробка. Хм... Мини-холодильник? Зеёбистый пылесос? Я терялся в догадках. К тому ж, Риммка сверкала всей своей красотой, меня это выбивало из колеи.

— Сюда несите! — Командовала она, проходя в спальню. — Где вам расписаться?

Грузчики с усилием приперли в спальню тяжеленную коробку и, распрямившись, дружно уставились на красиво раздетую невестушку, расчеркивающуюся в документе.

— Спасибо! — Светски сказала Риммулечка, словно ей придержали дверь в метро. — Пойдемте, я вас провожу.

Ошарашенные мужики, поминутно оглядываясь, поплелись к выходу.

— Ну, это, типа, счастья молодым... — Промычал один из них в дверях.

— Спасибо! — Светски усмехнулась Риммочка, захлопывая дверь.

— Ну, открывай! — Кивнула она мне.

В новой квартире было все, кроме инструментов. Поэтому скотч на коробке пришлось подцеплять Риммкиной пилкой для ногтей. Риммочка торжественно открыла коробку. Я сначала не понял. В ней, согнувшись, в позе эмбриона сидел... Владик.

— Сюр-прииз! — Весело заскакала вокруг меня Риммка. — Сережа, принимаай!

— Владик выпрямился во весь свой рост. Он был одет в точности как моя невеста: белые туфли белые чулки, кружевные трусики с выпуклостью на видном месте, белый корсет и фата. На подкрашенном лице его блуждала ехидная ухмылка, он заговорщицки смотрел на Риммку.

— Иди сюда, моя киса! — Сказала она. Смущенный Владик перелез через бортик коробки, они с Риммой, обнявшись, подошли ко мне и крепко прижались. Две аккуратные белокурые головки легли на мои плечи.

...

Сегодня у меня будет первая брачная ночь.

Самая лучшая на свете брачная ночь.